

DOI:

МАДЫ-МАЙРАМ И ПАРАСКЕВА ПЯТНИЦА В ОСЕТИНСКОЙ НАРОДНОРЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ: ДИФФУЗИЯ ОБРАЗОВ И КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

С. Г. Кцоева

...И тем же оружием, Мария, которым
Терзаема плоть его будет, твоя
Душа будет ранена...
Иосиф Бродский
Помянут меня – сейчас же помянут и тебя.
Михаил Булгаков

В статье анализируется кросс-культурное взаимодействие макроконцептов Мады-Майрам, выступающей в осетинском народном православии в статусе Богородицы, но имеющей признаки дохристианского женского божества, и Параскевы Пятницы, воспринимаемой в качестве сугубо христианского персонажа. Ключевым моментом является тот факт, что Параскева Пятница в качестве самостоятельного субъекта отсутствует в осетинском этнорелигиозном пантеоне. Тем не менее, на возможные отголоски ее культа обратил внимание Вс. Миллер. Культ Параскевы Пятницы нашел свое отражение в почитании женщинами пятницы как дня недели, когда запрещены некоторые виды работ, связанные с прядением, ткачеством, шитьем, вязанием и прочими занятиями, требующими использования острых предметов (веретен, спиц, иглол, гребней и пр.). Социальная актуальность проблемы обусловлена повышенным общественным интересом к возрождению этнорелигиозных традиций, которое невозможно без изучения культурно-исторического наследия народа. Научная актуальность проблемы также высока в силу ее слабой изученности: в научной литературе до сих пор не было специального исследования, посвященного изучению следов культа Параскевы Пятницы в осетинском народном православии. Этим объясняется и новизна исследования, к задачам которого можно отнести осмысление сущностных связей между Богородичным культом и культом святой Параскевы Пятницы в православном христианстве, их определение и интерпретация в осетинской религиозной традиции. Исследование является синхроническим и осуществляется в рамках методологической концепции структурализма К. Леви-Стросса, согласно которой все культурные системы (язык, мифология, религия, искусство, обычаи, традиции) изучаются как знаковые системы.

Ключевые слова: Мады-Майрам, Дева Мария, Параскева Пятница, осетинское народное православие, синкретизм.

Для цитирования: Кцоева С. Г. Мады-Майрам и Параскева Пятница в осетинской народнорелигиозной традиции: диффузия образов и кросс-культурные параллели // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 48 (87). С. 71-80. DOI:

Синкретичность аспектов религиозной культуры народа – тема всегда актуальная и интересная, поскольку в ней отражена историческая диалектика сознания, динамика развития объектов духовной культуры, ее причинно-следственные связи и ее особенности. В. И. Абаев метко отождествил этот процесс с процессом взаимопроникновения языков, являю-

щимся закономерным, но далеко не упорядоченным следствием межкультурной коммуникации: «Взаимодействие между религиозными системами напоминает во многом взаимодействие между языковыми системами. Если контакты носят маргинальный характер, то там и тут могут наблюдаться случаи заимствования отдельных элементов одной системы

в другую. Если же имеет место наложение одной системы на другую, то, в случае с религиями, может на какой-то период бытовать *двоеверие*, подобное двуязычию. Если же в дальнейшем одна система побеждает и заменяет другую, то элементы старой побежденной системы могут, в случае с религиями, «просвечивать» и распознаваться как субстрат, подобный языковому субстрату. У осетин, как и у других европейских народов, воспринявших в свое время христианство, мы находим богатый и интересный материал для иллюстрации того, что такое религиозный субстрат. Сквозь оболочку христианства у них более или менее явно проступают черты, унаследованные от дохристианского «языческого» прошлого» [1, 123]. На сегодняшний день в той или иной мере анализировались многие аспекты кросс-религиозных параллелей образов и функциональных компонентов сакральных персонажей осетинской этнической религии. Среди них Мады-Майрам является единственным женским образом в пантеоне и определяется как дзуар¹, покровительствующий чадородию и материнству. По мнению Вс. Ф. Миллера и В. И. Абаева, это имя является результатом адаптации осетинами православного культа Богородицы, принесенного византийскими миссионерами. В «Осетинских этюдах» Вс. Миллера содержится следующее описание: «Покровительницей женщин считается Мады-Майрам – мать Мария, занесенная к осетинам еще ранней проповедью христианства. Богоматерь обратилась в фетиш: около аулов большой камень носит название Мады-Майрам, и к нему водят молодую при брачном обряде. Приближаясь к священному камню, мальчики бросают в него камнями и пулями, восклицая при этом: вот столько мальчиков (сколько камней или пуль) и одну синеокую девочку подай, Майрам, нашей доброй невестке!» [2, 436] Подоб-

ный процесс «упрощения» и конкретизации функций абстрактного образа многократно описан и является вполне типичным для народов, находившихся на стадии разложения родоплеменных отношений в тот период, когда их коснулось влияние доктринальных авраамических религий, и к когнитивному восприятию многослойной мировоззренческой парадигмы которых они пока не были готовы.

Однако у Вс. Миллера есть описание еще одной обрядовой практики, которое он приводит в разделе, посвященном Мады-Майрам, несмотря на то, что к Мады-Майрам она на первый взгляд не относится: «Заметим еще, что осетинские женщины имеют... уважение к *пятнице* (курсив мой – С. К.), как русские к Святой Пятке (Параскевии); они не решаются шить в этот день, ходя дозволяют себе прочие работы» [2, 436]. Сам Вс. Миллер не объясняет связь между Мады-Майрам и почитанием пятницы. Однако если принять во внимание, что в осетинском языке «пятница» – это *Майрамбон* (в общепринятой интерпретации – «день Мады-Майрам»), то логика включения Миллером обряда почитания пятницы в раздел, посвященный Мады-Майрам, становится более очевидной.

Примечательно, что Параскевы Пятницы в осетинском народном православии нет, а традиция, с ней ассоциируемая, есть. Напрашивается вывод о том самом «маргинальном» (по В. И. Абаеву) заимствовании уже оформившейся религиозной практики, ставшей следствием слияния в народном сознании двух женских христианских персонажей.

Осмысление синкретизма макроконцептов Мады-Майрам, выступающей в осетинском народном православии в статусе Богородицы, но имеющей признаки дохристианского женского божества, и Параскевы Пятницы, воспринимаемой в качестве сугубо христианского

субъекта, приводит к ряду существенных вопросов: в чем состоят сущностные связи между Богородичным культом и Параскевой Пятницей в христианстве, чем они объясняются, и как они проявлены в осетинской религиозной традиции.

Согласно энциклопедии Брокгауза и Эфрона, «с первых веков христианства возникает почитание пятницы, как дня крестных страданий Господа Иисуса Христа. Первое известие об этом сохранилось в “житии Константина”, приписываемом епископу кесарийскому Евсевию (в 340 г.). В XI в. преподобный Феодосий Печерский, в письме к великому князю Изяславу, рекомендовал почитание пятницы, так как “в пяток жидове распяша Господа”... Представление о пятнице, как о дне праздничном, вызвало в народе предположение, что день этот должен быть посвящен отдыху и праздности. Отсюда возникло запрещение некоторых работ: бабы не должны прясть, варить щелок, стирать белье, выносить из печи золу, мужики не могут пахать и боронить. Неисполнение этих запретов влечет за собой в будущей жизни наказание, как за грехи; на это указывает древний стих “Прощание души с телом”, в котором душа ожидает для себя муку вечную, так как в пятницу “платье золовала, льны прядовала”» [3].

Параскева Пятница – Святая Параскева Иконийская (III в.). Согласно Священному Преданию, Параскева родилась в годы правления императора Диоклетиана в Малой Азии, в городе Иконий в семье богатого сенатора. Ее родители, по-видимому, являвшиеся христианами, особо почитали пятницу, как день крестных страданий Иисуса Христа, поэтому называли родившуюся дочь Параскевой (от греч. Παράσκειν – пятница). По преданию, с ранней юности она посвятила себя аскетической жизни. Параскева стала жертвой жестоких гонений на христиан в Малой Азии (Лиаконии), осуществ-

ляемых по повелению императора Диоклетиана. Святая Параскева была схвачена, жестоко пытаема (согласно преданию, ее жгли огнем и кололи железными гвоздями) и в конце концов обезглавлена.

Образ Параскевы Пятницы основан на персонификации Великой Пятницы – дня распятия Иисуса Христа в славянском православии, поэтому он мог фигурировать в иконографических сюжетах, связанных со Страстями Христовыми [4]. Таким образом, выявляется смысловая связь между образами св. Параскевы и Богородицы, где в качестве связующего элемента выступает *Страстная Пятница*: для Марии это самый скорбный день в ее жизни, для Параскевы – это день, в честь которого ее называли, и с символикой которого связана ее аскетическая жизнь и мученическая смерть, явившаяся, в конечном итоге, отражением пятничных страданий Богородицы. Вероятно, поэтому на старых северорусских иконах святая иногда изображалась на обороте образа Богоматери.

По мнению ряда исследователей, на Параскеву Пятницу были перенесены некоторые признаки и функции главного женского персонажа славянской мифологии – Мокоши, образ которой связан с женскими работами (пряжением, шитьем и др.), с браком и деторождением, с земной властью [5]. Параскева была незамужней и не имела детей, то есть, будучи далекой от брака, не могла быть напрямую атрибутируема с функциями Мокоши, чем, вероятно, дополнительно объясняется сближение ее образа с образом Богородицы: от Марии зависело замужество и потомство, а от Параскевы – успешное выполнение женских хозяйственных обязанностей. «Типологически Параскева Пятница имеет параллели с мифологическими образами женщин, прядущих пряжу судьбы (древнегреческие мойры, древнеисландские нормы, хеттские искусные ткачихи)» [6, 398].

В целом же столь тесная связь двух женских персонажей, разделенных во времени и пространстве, может показаться странной или даже взаимоисключающей. Тем не менее, мы имеем дело с типичным с точки зрения религиозной антропологии феноменом – трансляцией черт сакральных образов одной религиозной системы на сакральные образы другой, причем необязательно имело место количественное соответствие этих персонажей: «представления, связанные с одним языческим богом или богиней, могли перейти на нескольких персонажей новой религии, а необязательно только на кого-нибудь одного. Во-вторых, оба наиболее популярных православных персонажа тесно сближались между собой в народном сознании, и иногда дело доходило до их полного отождествления – очередного кощунства с точки зрения христианской догматики. На древних севернорусских иконах Параскева Пятница изображалась на обороте образа Богоматери... Еще дальше идут заговоры, прямо объявляющие их одним персонажем: “Тихвинская, Казанская и Смоленская Божья Матерь, во святом крещении Пятница Парасковья...” Еще дальше в этом отношении пошло народное православие в Сибири: в народных рассказах образы Богородицы и Параскевы являются практически идентичными. Иногда информаторы их даже путают» [7, 184].

Как уже упоминалось, образ Параскевы связан с женскими работами, в первую очередь, прядением, вязанием и шитьем. Безусловно, род занятий людей, становившихся впоследствии святыми, сказывался на формировании их сакрального образа. Так, рыбак Андрей, ставший впоследствии святым апостолом, считается покровителем мореходства. Но с чем связана логика ассоциирования Параскевы с упомянутыми занятиями? В жизнеописаниях святой мы не находим соответствующих указаний:

она не была ни ткачихой, ни портнихой. Разумеется, навыкам шитья, прядения, ткачества обучались все девочки в традиционных обществах, но вряд ли представительница богатой семьи римских патрициев профессионально могла этим заниматься. Осмелюсь предположить следующее: все упомянутые виды работ осуществляются при помощи игл, спиц, веретен, то есть острых колющих предметов. Согласно тексту жития святой Параскевы и как уже было упомянуто, пытаясь принудить ее к отречению от веры, палачи кололи ее тело гвоздями и спицами. Очевидно, использование спиц, игло, веретен и даже гребней с острыми зубьями в пятницу в народном сознании должно было символизировать солидарность с палачами. Циклическое, а не линейное (характерное для современной эпохи) восприятие времени в традиционных обществах предполагало своеобразное совмещение времен, неизбежную повторяемость событий, где привычной могла считаться форма песнопений «Где ты был, когда распинали Христа?» В традиционном сознании каждую Страстную пятницу был символически распинаем Христос, каждую Великую субботу он нисходил во ад и снова, как в первый раз, освобождал из него грешников, каждую Пасху воскресал. Отсутствие в традиционном сознании временного и пространственного разделения между событиями прошлого, настоящего и будущего объясняет, почему Параскеву символически пытали каждую пятницу (рис. 1). Цикличность восприятия времени традиционным сознанием легче понять, глядя на подобные изображения, когда все события жизни, изложенные в хронологической последовательности, замыкаются в кольцо, и невозможно определить, где начало, а где конец повествования, а использование в этот день спиц или игл должно было означать солидарность с ее палачами.

Рис. 1. Икона с изображением жития Св. Параскевы Пятницы

В описании народных поверий, связанных с этим, есть соответствующие указания: «Пятница ходит исколотая иглами и веретенами нерадивых хозяек, не почтивших святую и ее дни» [8, 165], или: «В быличках и духовных стихах Параскева Пятница жалуется, что ее не почитают, не соблюдая запретов по пятницам, – колют ее веретенами, прядут ее волосы, засоряют ей глаза кострой. По поверьям, на иконах Параскева Пятница изображена с торчащими из груди спицами или веретенами» [9, 437] (рис. 2). Таким образом, функциональная связь Параскевы Пятницы с шитьем и прядением может быть объяснена негативными ассоциациями, которые вызывают инструменты, используемые в подобных работах, а вовсе не факт ее покровительства женскому труду.

Трудно сказать, когда эта традиция вошла в осетинский религиозный обиход. Вряд ли это произошло в период раннего христианства: Параскева Иконийская родилась только в III в., а складывание иконографического образа и культа требует дополнительного времени.

Рис. 2. Мучение Св. Параскевы Пятницы острыми копьями

С другой стороны, трудно себе представить, чтобы данная религиозная практика (учитывая ее сугубо народно-христианскую специфику и широкую укорененность в осетинском обществе) была привнесена сюда в ходе последней волны христианизации осетин в рамках деятельности российской православной миссии, начавшейся в конце XVIII в. В силу того, что обычаи, связанные с личностью Параскевы Пятницы, присутствуют и у других православных славян (украинцев, белорусов), вероятно ее культ был привнесен из Византии. Неразрешимым кажется и вопрос о том, почему живая и соблюдаемая традиция воздержания осетинских женщин от шитья и прядения в пятницу не сохранила в народном сознании имени христианской святой Параскевы Пятницы, а сам пятничный день и его почитание связала с Мады-Майрам.

У Вс. Миллера есть описание еще одной традиции, связанное анализируемой проблемой: «В конце осени совершается девичий праздник, называемый сидением девушек ради Матери Марии (Чызджыты бадæн Мады-Майрамы тыххай) ... По словам г. Туккаева, девушки на по-

сиделках наперегонки плетут конопляные нити себе в приданое, и вообще этот праздник совпадает со временем, когда собрана конопля» [2, 465]. Описанный фрагмент содержит два смысловых совпадения этого действия с обрядностью, посвященной Параскеве Пятнице в славянском православии. Во-первых, имеет место совпадение календарное – 28 октября – день Параскевы Лыняницы в народном календаре славян. В этот день крестьянки мяти новый лен и приносили «первину в церковь» [10, 784]. Во-вторых – мять лен и коноплю, плести волокна позволялось и даже поощрялось, а использовать острые металлические предметы – нет.

Впрочем, вполне возможно, что описываемая традиция у осетин и вовсе не имеет связи с почитанием св. Параскевы и сопряжена исключительно с культом Богоматери – Мады-Майрам, тем более, что существует сюжет причастности Марии к прядению и ткачеству. В апокрифических евангелиях, в частности, в «Протоиевангелии Иакова» (II в.) и «Книге о рождении Блаженнейшей Марии и детстве Спасителя», известной также как «Евангелие Псевдо-Матфея» (не ранее IX в.), в которых нашла свое отражение история Благовещения, говорится о Марии как о ткачихе. Апокрифические тексты не изменяют общей истории о явлении Марии Архангела Гавриила с Благой вестью, но дополняют ее рядом подробностей, вошедших в иконографию этого праздника.

Согласно апокрифам, Марии по жребию выпало соткать новую завесу из пурпура для Иерусалимского храма. Отправившись за водой, она у колодца услышала голос: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна ты между женами». Не увидев рядом никого, она, испугавшись, вернулась домой. *Сев за прялку* (курсив наш. – С. К.), Мария увидела ангела, который успокоил ее

словами: «Не бойся, Мария, ибо ты обрела благодать у Бога и зачнешь во славу Его». В апокрифах также подчеркивается таинственная сила зачатия, и на вопрос Марии «Неужели я зачну от Бога живого и рожу, как женщина любая рождает?» Ангел ответил: «Не так, Мария, но сила Всевышнего осенит Тебя». После ухода ангела *Мария окончила прясть шерсть и отнесла ее первосвященнику, который благословил ее* (курсив наш. – С. К.), сказав: «Бог возвеличил имя твое, и ты будешь благословенна во всех народах земли» [11].

Таким образом, мы имеем дело со сходным сюжетом: Мария относит пряжу в храм и получает благословение. Подобно ей, крестьянские женщины, мяти новый лен и приносили «первину» в церковь, правда, в день Параскевы Лыняницы.

Отсутствие дополнительных вводных данных не позволяет нам сделать окончательный вывод о том, кому именно из двух женщин посвящены описываемые Вс. Миллером обряды: Марии или Параскеве. Есть и такая вероятность, что традиционное осетинское сознание связало данную традицию с ними обеими, но сохранило лишь имя привычной Мады-Майрам.

Трудноразрешимым является и вопрос о символизме пятницы как дня недели в рамках анализируемой проблемы. Связь Параскевы с пятницей более чем очевидна, чего на первый взгляд нельзя сказать о Мады-Майрам. Тем не менее, в осетинском языке пятница названа Днем Марии – *Майрамбон*. Почему?

Мы не располагаем точными данными о дне недели, в который родилась Мария, или в который она умерла. Единственным источником, содержащим информацию о значимости этого дня недели, является апокриф «Сказание о двенадцати пятницах» [12], в котором от-

разились народные представления о христианстве. Согласно данным апокрифа, по пятницам происходили важнейшие трагические или грозные события священной истории: изгнание Адама из рая, убийство Каином Авеля, затопление (!), а не сожжение, как в Библии, городов Содомы и Гоморры, казни египетские, потопление Моисеем египтян в Красном море, захват Иерусалима халдеями, избивание Иродом младенцев в Вифлееме, убийство Иоанна Крестителя, распятие Иисуса Христа. Также приводятся легендарные события, относимые к пятнице, но не связанные с Библией: поставление киота пророка Иеремии до Второго пришествия, захват «агарянами» обширных земель и бегство многих жителей на Крит, захват «измаильтянами» многочисленных стран на 73 года» [13]. Как мы видим, и здесь единственной пятницей, с которой могла быть связана Мария, является только Страстная Пятница.

Важно подчеркнуть, что сказание о двенадцати пятницах существует и на Западе. Истоки символического значения пятницы в осетинской традиции уместно искать и в этом направлении. В энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона содержится следующее: «Лицом, олицетворяющим пятницу, является святая Венера, вполне тождественная нашей Параскеве; ее житие представляет много сходных черт с житием Параскевы. К христианскому почитанию пятницы на Западе присоединились языческие воспоминания о пятнице как о дне, посвященном в Древнем Риме – Венере, в Германии – Фрее (пятница – Freitag)» [3].

В индоевропейской традиции названия дней недели происходят от имен языческих богов и названий небесных тел. В английском – *Sunday*, немецком – *Sonntag*, и понедельник – *Monday* и *Montag* – соответственно (день солнца и день луны или месяца). Названия остальных дней –

производные от имен богов. Эта система была заложена римлянами, но после того, как их заимствовали германцы, имена римских богов были заменены на германские: *Martedi* (итал. День Марса – вторник, в английском *Tuesday* – день Цюра или Тира, который, как и Марс, был богом войны). Среда *Mercredi* (итал. день Меркурия, отвечавшего за торговлю) в германской традиции преобразовался в день Одина – *Wednesday*. Имя громовержца Тора отразилось в германском названии четверга – *Thursday, Donnerstag* – в немецком. В полабском языке – мертвом славянском языке – четверг назывался *Perundan* – «день Перуна». Таким образом, единственным женским днем была пятница – день Венеры – *Venerdi* или в традиции *Friday* или *Freitag* – день Фреи (Фрегг) – богини германского пантеона.

В.И. Абаев также определяет Майрамбон – День Пятницы – как «посвящение женскому божеству (планете Венере)», которое «идет от дохристианских времен» [14, 68], а происхождение самого термина возводит к арабскому языку: «Некоторые мусульманские народы Кавказа, в прошлом подвергшиеся мусульманскому влиянию, имеют примыкающие к осетинскому названия: *кабар. marem, балк. bairam kün* “пятница” (с перебоем *m → b* под влиянием *арабск. bairam* “праздник”). Греческое название пятницы *Παρασκευή* сохранилось в осетинском в значении “пост”, “траур”» [14, 68].

Единственная смысловая привязка Марии к пятнице, таким образом, обусловлена только Страстной пятницей или днем казни Христа. Но, на мой взгляд, собственно христианская связь Марии с пятницей обусловлена не только тяжестью материнского горя. Этот день изменил статус Марии, он навсегда отсекает ее от прежней жизни, до самой своей смерти она останется последним земным

воплощением Сына, превратится для людей, уверовавших в Христа в день Голгофы, из обыкновенной женщины в сугубо патриархальном обществе в Богородицу, в мать новой веры. Если же принять во внимание, что почитание пятницы в качестве единственного женского дня недели в римской и германской традиции (которая вполне могла быть заимствована и аланами), когда женщина освобождалась от основных видов привычной рутинной работы, было впоследствии перенесено в христианство и сопряжено с Марией как главным женским персонажем, то все логические несоответствия устраняются сами собой.

Подведем некоторые итоги.

1) Мады-Майрам – единственный женский персонаж в осетинской народнорелигиозной традиции: женский пантеон православных святых не отразился в осетинском народном православии. Логично предположить, что Мады-Майрам вобрала в себя некоторые их функции.

2) Описание Вс. Миллером особого почитания осетинками пятницы и их воздерживания от шитья, прядения и пр. в этот день, а также его указание на сходство этой традиции с православной традицией почитания Святой Пятки (Параскевы Пятницы) дает основание для анализа кросс-культурных параллелей в образе осетинской Мады-Майрам.

3) Воздержание от шитья, вязания, ткачества и прочих работ, связанных с применением острых предметов по пятницам в православии, по всей видимо-

сти связано с символикой мученической смерти Параскевы пятницы, а также циклическим, а не линейным восприятием времени традиционным сознанием. Велика вероятность переноса элементов культа Святой Параскевы на Мады-Майрам, тем более, что в славянском православии оба этих женских персонажа чрезвычайно близки, что нашло свое отражение в иконографии: на одной стороне изображена Богородица, на обороте иконы – Параскева Пятница.

4) Можно также предположить, что описанный Вс. Миллером осетинский обычай вообще не связан со Св. Параскевой и ни к кому, кроме Марии, отношения не имеет, тем более, что женские работы вполне могут быть ассоциируемы и с ней. Основанием для подобного предположения могут служить данные апокрифических евангелий, согласно которым Мария получила Благую весть именно тогда, когда ткала новую завесу для Иерусалимского храма. Правда, тогда не совсем понятно, с чем связан запрет на прядение, ткачество, шитье и прочее в пятницу.

5) Есть вероятность, что особое почитание пятницы женщинами и запрет на большинство видов женской работы является дохристианским отголоском общеевропейской традиции, сохранившимся у осетин со времен аланской истории, когда пятница была единственным днем недели, посвященным женскому божеству – Венере – Venerdi или в традиции «Friday» или «Freitag» – день Фрей (Фрегг) – богини германского пантеона.

Примечание:

1. Дзуар – в осетинской мифологии, народной религии и нартском эпосе собирательное название небожителей, святых-покровителей. Обозначает также святилище, посвященное определенному небожителю.

1. Абаев В. И. Как апостол Петр стал Нептуном // Избранные труды: религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990. С. 123-136.
2. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992. 716 с.
3. Пятница // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/>
4. Шалина А. И. Икона «Христос во гробе» и нерукотворный образ на константинопольской плащанице [электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/sretmon/turin/hristosvogrobe.htm>
5. Левкиевская Е. Е., Толстая С. М. Параскева Пятница // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т./Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 631-633.
6. Иванов В. В. Знаковые системы культуры, искусства и науки // Избранные труды по семиотике и истории культуры. В 7 т. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 4. 792 с.
7. Серяков М. Л. Богини славянского мира // Культ Мокоши и Параскевы Пятницы в славянской традиции. М.: Вече, 2016. 416 с.
8. Воропай О. Обычаи нашего народа. В 2 т. Мюнхен, 1958. Т. 2. С. 165.
9. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М.: Астрель, 2000. 526 с.
10. Мадлевская Е. Л. Параскева // Русская мифология. Энциклопедия. М.: Эксмо, 2005. 784 с.
11. Апокрифы древних христиан [электронный ресурс]. URL: <http://predanie.ru/68755-apokrify-drevnih-hristian/#/toc2>
12. Сказание о двенадцати пятницах [электронный ресурс]. URL: <http://Апокрифы//biblia.org.ua>
13. Апокрифы Древней Руси/Сост. М. Рождественская. СПб.: Амфора, 2008. 239 с.
14. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4 тт. М.: Издательство АН СССР, 1973. Т. 2. 449 с.

Ktsoeva, Sultana G. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); sultana_t@mail.ru

MADY-MAYRAM AND PARASKEVA PYATNITSA IN OSSETIAN FOLK-RELIGIOUS TRADITION: DIFFUSION OF IMAGES AND CROSS-CULTURAL PARALLELS.

Keywords: *Mady-Mayram, Virgin Mary, Paraskeva Pyatnitsa, Ossetian folk Orthodoxy, syncretism.*

The article analyzes the cross-cultural fusion of the macro concepts of Mady-Mayram, who appears in Ossetian folk Orthodoxy in the status of the Mother of God, but has signs of a pre-Christian female deity, and Paraskeva Pyatnitsa, perceived as a purely Christian character. The key point is the fact that Paraskeva Pyatnitsa as an independent subject is absent from the Ossetian ethno-religious pantheon. Nevertheless, Vs. Miller. The cult of Paraskeva Pyatnitsa is reflected in women's veneration of Friday as a day of the week, when certain types of work related to spinning, weaving, sewing, knitting and other activities that require the use of sharp objects (spindles, knitting needles, needles, combs, etc.) are prohibited. The social relevance of the problem is due to the increased public interest in the revival of ethno-religious traditions, which is impossible without studying the cultural

and historical heritage of the people. The scientific relevance of the problem is also high due to its poor study: there has not yet been a special study in the scientific literature devoted to the study of the traces of the cult of Paraskeva Pyatnitsa in Ossetian folk Orthodoxy. This explains the novelty of the study, the tasks of which include understanding the essential links between the cult of the Theotokos and the cult of St. Paraskeva Pyatnitsa in Orthodox Christianity, their definition and interpretation in the Ossetian religious tradition. The study is synchronous and is carried out within the framework of the methodological concept of structuralism by K. Levi-Strauss, according to which all cultural systems (language, mythology, religion, art, customs, traditions) are studied as sign systems.

For citation: Ktsoeva, S. G. *Mady-Mayram and Paraskeva Pyatnitsa in Ossetian folk-religious tradition: diffusion of images and cross-cultural parallels* // *Izvestiya SOIGSI*. 2023. Iss. 48 (87). Pp. 71-80. (in Russian). DOI:

References

1. Abaev, V.I. *Kak apostol Petr stal Neptunom* [How the apostle Peter became Neptune]. *Izbrannye trudy: religiya, fol'klor, literatura* [Selected works: religion, folklore, literature]. Vladikavkaz, Ir, 1990, pp. 123-136.
2. Miller, V.F. *Osetinskie etyudy* [Ossetian studies]. Vladikavkaz, 1992. 716 p.
3. *Pyatnitsa* [Friday]. *Entsiklopedicheskii slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona* [F.A. Brockhaus and I.A. Efron Encyclopedic Dictionary]. [Electronic resource]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/>
4. Shalina, A.I. *Ikona "Hristos vo grobe" i nerukotvornyi obraz na konstantinopol'skoi plashchanitse* [Electronic resource]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/sretmon/turin/hristosvogrobe.htm>
5. Levkievskaya, E. E., Tolstaya, S.M. *Paraskeva Pyatnitsa* [Paraskeva Pyatnitsa]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, vol. 3, pp. 631-633.
6. Ivanov, V. Vs. *Znakovye sistemy kul'tury, iskusstva i nauki* [Sign systems of culture, art and science]. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury* [Selected works on semiotics and cultural history]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007, vol. 4. 792 p.
7. Seryakov, M.L. *Bogini slavyanskogo mira. Kul't Mokoshi i Paraskevy Pyatnitsy v slavyanskoi traditsii* [Goddesses of the Slavic world. The cult of Mokosha and Paraskeva Pyatnitsa in the Slavic tradition]. Moscow, Veche, 2016. 416 p.
8. Voropai, O. *Obychai nashego naroda. V 2 t.* [The customs of our people. In 2 vols]. Muenchen, 1958, vol. 2. 349 p.
9. Levkievskaya, E. E. *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian people]. Moscow, As-trel, 2000. 526 p.
10. Madlevskaya, E. L. *Paraskeva* [Paraskeva]. *Russkaya mifologiya. Entsiklopediya* [Russian mythology. Encyclopedia]. Moscow, Eksmo, 2005. 784 p.
11. *Apokrify drevnikh khristian* [Apocrypha of ancient Christians]. [Electronic resource]. URL: <http://predanie.ru/68755-apokrify-drevnih-hristian/#/toc2>
12. *Skazanie o dvenadcati pyatnicah* [Tale of Twelve Fridays]. [Electronic resource]. URL: <http://Apokrify/biblia.org.ua>
13. Rozhdestvenskaya, M. (comp.) *Apokrify Drevnei Rusi* [Apocrypha of Ancient Rus']. St. Petersburg, Amfora, 2008. 239 p.
14. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. V 4 t.* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. In 4 vols]. Moscow, 1973, vol. 2. 449 p.